

УДК 94(476) «1906/...»:325

П. С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет

**КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ИЗ БЕЛАРУСИ
В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ**

Белорусская история XIX – начала XX в. насыщена важнейшими для развития общества событиями. Важную роль в его эволюции играло переселенческое движение выходцев с белорусских земель в различные области Российской империи. Наибольших размахов переселение достигло в годы столыпинской реформы, когда оно стало приоритетом государственной политики, имея одновременно аграрное и геополитическое значение.

В статье анализируются масштабы крестьянских переселений из Беларуси в начале XX в., характеризуется правовая база, регламентирующая эти процессы, а также рассматриваются причины массового возвращения крестьян на родные земли.

Ключевые слова: переселение, этнос, Беларусь, реформа, миграция.

P. S. Kruchek

Belarusian State Technological University

**PEASANT RESETTLEMENT OF BELARUS IN THE YEARS
OF THE STOLYPIN AGRICULTURAL REFORMS**

Belarusian history of 19th – early 20th century is full of events that are important from the point of view of social development. An important role in its evolution played a migration movement of immigrants to the Belarusian lands in different areas of the Russian Empire. The largest scale migration has reached in the years of the Stolypin reforms, when it became a priority of state policy, having at the same time agricultural and geopolitical importance.

The article analyzes the scale of peasant migration from Belarus in the early twentieth century, features-technology bases of the legal framework regulating these processes, and discusses the reasons for the mass return of peasants to their native lands.

Key words: resettlement, ethnicity, Belarus, reform, migration.

Введение. Сложность исторического развития Беларуси предопределила специфику миграционных процессов ее населения. Дело в том, что промышленное развитие Беларуси в дореволюционный период осуществлялось крайне медленно. Это вызывалось двумя причинами – политикой царизма, не заинтересованного в росте крупной национальной промышленности (особенно это стало заметно после подавления восстаний 1831 и 1863 гг.), и бедностью сырьевых источников для промышленного развития.

Реформа 1861 г., освободив крестьян от крепостной зависимости, дала тем самым определенный простор развитию производительных сил, что выразилось также в ускорении демографического роста. Однако к концу XIX в. реформа исчерпала себя политически и экономически. Примерно к 80–90 гг. XIX в. обнаружилось несоответствие демографического и технико-экономического развития. Дело в том, что в земледелии по-прежнему преобладали экстенсивные способы ведения хозяйства. Форма и структура крестьянского хозяйства были таковы, что к этому периоду были исчерпаны возможности сохи и трехполья. По расчетам дореволюци-

онных статистиков и экономистов, трехполье могло выдержать примерно 50 чел. на квадратном километре полезной площади [1, с. 165]. В Беларуси к этому периоду на такую площадь приходилось 70–80 чел., что свидетельствовало о большой аграрной перенаселенности. На рубеже XIX–XX вв. она составила не менее 1/3 ко всему сельскому населению северо-западного края. Слабое развитие промышленности в белорусских городах не могло поглотить огромную, превышающую 1,5 миллиона избыточную армию сельских тружеников.

Основная часть. В таких условиях переселение в другие районы страны, преимущественно в Сибирь, стало явлением неизбежным. Так, за 1885–1906 гг. из северо-западных губерний России переселились в Забайкальскую область, Томскую и Тобольскую губернии 194,2 тыс. чел., почти две трети из них были выходцы из Могилевской и Витебской губерний. Южные территории Российской империи, такие как Бессарабская, Екатеринославская и Херсонская губернии, области Донского и Кубанского войск и ряд других, также приняли переселенцев с белорусских земель. В столице Российской империи – Санкт-Петербурге –

проживали выходцы из Беларуси, главным образом творческая интеллигенция из Минской и Виленской губерний.

Миграция на рубеже XIX–XX вв. превратилась в крупный фактор экономического и демографического развития Беларуси. В 1897 г., например, Могилевская губерния дала 3602 переселенцев и Витебская – 3490. В последующие годы число переселенцев значительно возросло. В 1908 г. на долю белорусских губерний пришлось 17,2% всех переселенцев России. Об интенсивности и масштабах переселенческого движения в Беларуси можно судить по следующим фактам. Из 4650 тыс. всех переселенцев и ходоков России в период 1869–1915 гг. белорусские губернии (Виленская, Витебская, Могилевская, Минская и Гродненская) дали свыше 600 тыс. Значение этого факта будет особенно понятно, если учесть, что шесть центрально-промышленных губерний России дали всего 66 тыс. переселенцев.

Лишь в 1904–1905 гг. (предреволюционный и революционный годы) переселение резко замедлилось. Однако с началом проведения столыпинской аграрной реформы переселенческие процессы снова ускорились.

В годы столыпинской реформы переселение стало приоритетом государственной политики, имея одновременно аграрное и геополитическое значение.

С 6 мая 1905 г. вопросы, регулирующие переселение, перешли под контроль Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). ГУЗиЗ стал ведущей государственной организацией, осуществляющей столыпинскую аграрную реформу.

За годы реформ была сформирована нормативная база, регулирующая переселение. Так в сентябре 1906 г. был издан указ о передаче под переселение свободных кабинетских земель Алтайского округа, в 1908 г. – Нерчинского горного округа. 10 марта и 29 ноября 1906 г. были приняты положения Совета министров, предусматривавшие процедуру отправки ходоков для приискания, осмотра и зачисления свободных казенных земель в некоторых районах Сибири и Урала. Данное право предоставлялось всем желающим, независимо от их местожительства или имущественного статуса. Позднее было принято решение сохранить данный порядок и в 1908 г., распространив его на весь Урал. 4 марта 1911 г. Николаем II было утверждено Положение «О порядке ходяческого движения за Урал». Также при организации переселения применялись указ от 9 ноября 1906 г. о праве крестьян закреплять находящиеся в их пользовании земли в частную собственность.

Территория Азиатской России была разделена на 12 переселенческих районов с землеустроительными и землеотводными партиями, агрономическими, медицинскими, школьными, дорожными, гидротехническими отделами. Впоследствии переселенческие земли ежегодно распределяли между губерниями и уездами Европейской России по особой предварительной разверстке в виде долей, на которые направлялись ходоки. В строгом соответствии с количеством этих долей выдавались в местах выхода переселенцев ходяческие свидетельства.

Технологически процесс переселения состоял из нескольких этапов. На первом создавались организованные ходяческие группы, состоящие, как правило, из домохозяев. Ходок мог отправляться не только от имени одной семьи, но и по поручению сельского общества или товарищества. Таким организованным ходокам выдавались на руки переселенческие свидетельства, удостоверяющие их статус и дающие транспортные льготы. Количество ходоков, равно как и количество запросов от сельских обществ, соответствовало числу земельных долей, определяемых Переселенческим управлением в соответствии с проведенным мониторингом свободных и пригодных для заселения территорий.

На втором этапе, в случае договоренностей между ходоком и местной администрацией, на место поселения выезжала семья переселенца или целое крестьянское поселение. При этом и проезд ходока, и перемещение его семьи (в один или оба конца) полностью (впоследствии частично) оплачивались за счет казны. Лица, проживающие за Уралом, могли получать ходяческие свидетельства только при переселении на Дальний Восток.

С 1906 по 1914 гг. в Сибирь мигрировало 3772,2 тыс. чел., из которых 3040,1 тыс. – переселенцев и 731,8 тыс. – ходоков. Это было в два раза больше, чем за предыдущие 20 лет [2, с. 251]. На Кавказ за аналогичный период мигрировало около 55 тыс. чел. Число обратных переселенцев за указанный период составило 17,4% и ходоков 67,8%. Переселением были охвачены все губернии Европейской России, а также Украины и Беларуси. Однако некоторые регионы давали наибольший процент ходоков и переселенцев [2, с. 69].

4 марта 1911 г. переселение было объявлено свободным, нерегламентированным в любые районы по выбору самих переселяющихся после обязательного осмотра участка ходоками, которые закрепляли землю на новом месте за крестьянами. В случае ухода с места водворения, участок ходока или переселенца сохранялся за ним в течение двух лет. Однако этот срок был уменьшен.

Был разработан комплекс мер для финансовой поддержки переселенцев. Еще 5 июня 1894 г. вступили в силу «Временные правила о пособиях от правительства нуждающимся семействам переселяющихся». Они пересматривались и дополнялись в 1896, 1899, 1903, 1909 гг. В окончательном виде они составили закон от 19 апреля 1909 г. «О порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцев».

В Сибири и на Дальнем Востоке земля отводилась крестьянам-переселенцам в «частное владение на правах постоянного наследственного пользования». Это был шаг к введению здесь частной собственности на землю.

Норма отвода земли в Сибири крестьянам-переселенцам составляла 15 десятин в расчете на одну «мужскую душу». При этом семья получала 35–40 десятин земли. Ей также предоставлялось государством единовременное пособие на обустройство хозяйства в сумме 165 руб. в Сибири и 200 руб. – на Дальнем Востоке [3].

Государство полностью брало на себя расходы на переезд в Сибирь крестьян и его организацию. Столь льготные условия благоприятствовали быстрому переселению крестьян за Урал. За 1906–1915 гг. за Уралом было отведено крестьянам-переселенцам 36 млн. десятин земли.

С июня 1912 г. было законодательно установлено, что кредиты и ссуды переселенцам будут выдаваться в зависимости от особенностей осваиваемого района. По созданной шкале ссуд максимальная трудность района – Приамурье – давала возможность получить 400 руб., 200 из которых – в виде безвозвратной помощи. Также в расчет бралось то, насколько государство заинтересовано в скорейшем освоении региона. Преимущество отдавалось тем нуждающимся, которые производили существенные улучшения участков, либо возводили строения. Всего за 1906–1915 гг. ссуды получили 851,9 тыс. чел.

Следует отметить, что П. Столыпин, сохраняя кредиты, на первое место выдвигал все же вещественные рычаги помощи. Помощь реализовалась в натуральном виде, а именно: путем создания инфраструктуры, в виде семян, инвентаря. Все это можно было использовать только в хозяйственной деятельности (продать это в Сибири было некому).

Межевые экспедиции не только выявляли новые земли, но и проводили съемки, составляли проекты отвода земель переселенческим хозяйствам и проводили единоличное землеустройство.

Размещение переселенцев в Сибири, т. е. в Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, происходило в двух направлениях: во-первых, на землях, которые частично были

заняты ранее переселившимися старожилами и коренным населением; и во-вторых, на совершенно свободных местах. В соответствии с этим способы землеустройства были различными.

В первом случае проводилась съемка фактического пользования, составлялся проект ограничения земельного надела с расчетом не более 15 десятин на наличную мужскую душу и лесной надел до трех десятин. Оставшиеся земли отводились для размещения новых переселенцев.

Во втором случае отвод участков переселенцам производился непосредственно вслед за изысканием пригодных для земледелия массивов. После обследования и съемки производился расчет возможной площади по числу душ, исходя из указанной выше нормы земли на душу.

Переселенческие участки отводились сначала размером по 6–7 тыс. десятин в общее пользование переселенческим семьям. С 1909 г. размеры отводов были уменьшены до 1–3 тыс. десятин. На территории каждого отвода проектировалось размещение усадьбы. Внутриселенное землеустройство с распределением земли между отдельными дворами Переселенческим управлением вначале не проводилось. Это должны были делать переселенцы своими силами, устанавливая общинно-передельный или подворный порядок пользования землей.

В дальнейшем административные органы Сибири при устройстве переселенцев начали внедрять хутора и отруба предварительной разбивки переселенческих отводов на семейные участки из расчета на каждый по три душевные доли. Такое устройство потребовало не только разбивки семейных участков на плане и нарезку их в натуре, но и прокладку дорожной сети с подъездом к каждому хутору и отрубам, устройство колодцев, в лесных местах – раскорчевку.

Наиболее мощная волна переселений из белорусских губерний приходится на 1907–1909 гг. Так за период с 1904 по 1914 гг. из пяти западных губерний переселилось 356 378 чел. Из них в течение 1904–1906 гг. выехало 21 012 чел., что составляло 5,9% переселенцев. В то же время на 1907–1909 гг. приходится 248 354 чел., или 69,8% всех переселившихся [4, с. 122].

В 1907 г. переселенческое движение приобрело особенно массовый характер. В частности газета «Могилевский Вестник» отмечала, что губернию «охватила какая-то переселенческая горячка. Уезжали стар и млад, уезды выбрасывали ежедневно в губернский город сотни переселенцев, и мечта «ў Томск!» сделалась лозунгом всех и всякого» [5].

Переселенческое движение по отдельным губерниям было неравномерным. Наибольшее число переселенцев пришлось на Могилевскую и Витебскую губернии, где крестьяне испыты-

вали наиболее острый земельный голод. Так из 294 367 переселенцев из пяти западных губерний за период с 1907 по 1911 гг. на две восточные пришлось 211 694 чел., или 71,9%. Могилевская губерния по численности переселенцев занимала третье, а Витебская – восьмое место среди всех губерний Российской империи. В то же время переселенческое движение в Гродненской губернии было весьма незначительным. Это было связано с тем, что крестьяне здесь не испытывали острого малоземелья. К тому же более высокий уровень развития капитализма и повышенный спрос на наемную рабочую силу давали возможность разорившимся крестьянам найти работу в пределах родной губернии [6, с. 205]. Переселялась в основном крестьянская беднота. Так 64% переселенцев имели на Родине надел меньше пяти десятин на двор и только 2% имели надел свыше 15 десятин [7, с. 91].

Сопоставление данных переселений из белорусских губерний с переселениями в общероссийском масштабе показывает, что за годы реализации Столыпинской аграрной реформы общая численность переселенцев по России составила 2 901 269 чел., из них на пять западных губерний приходилось 335 369 чел., или 11,6%. В то же время за 12 лет, предшествующих реформе, 73 губернии России дали 1 560 905 переселенцев. В том числе из пяти западных губерний – 278 124 чел., или 18%. Таким образом удельный вес белорусских губерний в общей массе сократился. Тем не менее общая численность переселенцев значительно возрасла [4, с. 125–126].

Следует отметить, что в годы Столыпинской реформы качественный состав переселенцев значительно изменился. Если в 70–80-х гг. XIX в., когда переселенческие процессы всячески сдерживались властями, среди мигрантов преобладали активные элементы, которые «надеялись лишь на себя и на Бога», то когда эти процессы разрешили, «хлынула серая масса, которая всегда ждет милости от начальства» [1, с. 168]. То есть переселялись в основном те, кто не смог перестроить свое традиционное хозяйство дома.

В то же время Сибирь выдвигала свои требования. Как отмечал известный российский либеральный экономист А. Кауфман, «Сибирская тайга не годится для массового переселенца. Он ее боится» [1, с. 166].

В результате переселенцы столкнулись с огромными сложностями. По официальным данным за 1908 г. по всей России на каждую тысячу переселенцев приходилось 118 чел., погибших от тяжелых условий в пути и на новых местах [4, с. 131]. Итогом всего этого стало массовое обратничество т. е. возвращение кре-

стьян в родные места. В течение 1907–1914 гг. в Беларусь возвратилось 36 544 чел., или 10,9% всех переселившихся. Наибольшая волна возвращенцев пришлась на 1910–1911 гг., когда в родные места вернулось 13 597 чел., или 37,2% всех возвратившихся [4, с. 132].

В качестве главных причин возвращения крестьяне указывали плохие условия климата и нехватку угодий (41% возвращенцев), постоянные неурожаи (15%), нехватку средств для обустройства на новом месте (10%). Остальные заявили, что вернулись временно или по другим причинам [7, с. 92].

Однако на родине возвращенцев ждали не меньшие трудности, так как перед выездом они распродали свою землю и имущество, вернуть которые было уже невозможно. Тем самым возвратившиеся крестьяне пополнили ряды сельского пролетариата. В результате социальное расслоение в белорусской деревне значительно усилилось.

Тем не менее следует отметить, что переселение крестьян на просторы Сибири разрешило в большей степени проблему «земельного голода». Обустроившиеся на новых местах крестьяне преобразили сельское хозяйство Сибири.

За четыре неполных года аграрной реформы Россия по производству мяса, хлеба, животного масла стала теснить на мировом рынке ведущие европейские страны, а также США и Канаду.

Темпы роста посевных площадей и валовых сборов зерна в Сибири были значительно выше, чем в среднем по России, и выше, чем в США. Особенно пользовались спросом сибирская сильная и твердая пшеница. По качеству она не имела себе равных на международном рынке.

Успехи в земледелии сопровождался ростом численности скота. Из европейских стран только Дания по количеству скота на 100 жителей приближалась к Сибири. Канада и США уступали Сибири по количеству овец и лошадей на 100 жителей. Среднегодовой вывоз мяса из одной Западной Сибири накануне первой мировой войны составлял 500 тыс. т.

Заключение. Таким образом, переселенческая политика, призванная ослабить остроту малоземелья, привела к тому, что в течение 1907–1914 гг. из пяти западных губерний переселилось в Сибирь 335,4 тыс. чел. (11,6% переселенцев из Европейской России). Из них 71,8% приходилось на Витебскую и Могилевскую губернии. Наибольшее число переселений состоялось в 1907–1909 гг. Переселялась в основном крестьянская беднота, значительная часть которой не смогла приспособиться к неблагоприятным условиям Сибири и была вынуждена вернуться на Родину, пополнив здесь армию сельской бедноты.

Литература

1. Кауфман А. А. Община. Переселение. Статистика. М.: Г. Леман и Б. Плетнев, 1915. 512 с.
2. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и стольпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
3. Дубровский С. Столыпинская реформа // АПК: экономика, управление. 1953. № 8. С. 84–90.
4. Липинский Л. П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск: Издательство БГУ, 1978. 221 с.
5. Могилевский вестник, 1913, 10 марта.
6. Налівайка Н. М. Сталыпенская аграрная рэформа на Гродзеншчыне // Гродна і гродзенцы: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Гродна: ГрДУ, 2008. 526 с.
7. Дудкоў Д. А. Сталыпінская рэформа ў Віцебскай губерніі. Мінск: Беларускае акадэмія навук, 1931. 121 с.
8. Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (Вторая половина XIX в.). Минск: Наука и техника, 1978. 146 с.

References

1. Kaufman A. A. *Obshchina. Pereselenie. Statistika* [Community. Relocation. Statistic]. Moscow: G. Lehmann and B. Pletnev Publ., 1915. 512 p.
2. Tyukavkin V. G. *Velikorusskoe krest'yanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma* [Great Russian peasantry and the Stolypin agrarian types]. Moscow: Monuments of historical thought Publ., 2001. 275 p.
3. Dubrovskiy S. Stolypin types. *APK: ekonomika, upravlenie* [APK: economy, management], 1953, no. 8, pp. 84–90.
4. Lipinskiy L. P. *Stolypinskaya agrarnaya reforma v Belorussi* [Stolypin agrarian types in Belarus]. Minsk, BSU Publ., 1978. 221 p.
5. *Mogilevskiy vestnik* [Mogilev Bulletin]. 1913, March 10.
6. Nalivayka N. M. Stolypinsky agrarian reform in Grodno. *Grodna i grodzentsy* [Grodno and citizens of Grodno: ten centuries of history]. Grodno, Grodno State University, 2008. 526 p.
7. Dudko D. A. *Stalypinskaya reforma u Vitsebskay gubernii* [Stolypin's reform in the Vitebsk province]. Minsk, Belaruskaya akademiya navuk Publ., 1931. 121 p.
8. Vereshchagin P. D. *Krest'yanskie pereseleniya iz Belorussii (vtoraya polovina XIX veka)* [Peasant resettlements of Belarus (second half of the 19th century)]. Minsk, BSU Publ., 1978. 144 p.

Информация об авторе

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Поступила 25.03.2017